

ЗЕРКАЛО, щипцы, ножницы, лак, серебрин, пудра, тушь... Тысячи необходимых мелочей... Почти механические движения, внимательный взгляд на себя в зеркало, прищур... Да, все так. Привычная рабочая обстановка. И шахматная доска тут же: «блиц» с соседом по тримоборной отвлечет.

Но будет минута перед выходом на сцену, когда ты уже на пороге ее — и все отлетит прочь, все мелочи дня, вся суета и привычки... Один шаг, и ты — в мире иных страстей, иных взлетов, иных забот.

Как же приходят к нему, к этому заветному и таинственному порогу?

Было зеркало, была шахматная доска и разговоры о будничном. Но творчество не прекращалось ни на секунду.

Вот мы идем по дорожке возле сцены, и он уже далек от меня, окаменел, оглох. Я иду в ложу, а он через минуту-другую появляется на сцене. И я вижу преобразование, нет — не заученную позу и фразу, а именно преобразование или, как еще говорят, перевоплощение, хотя все естественно и в том человеке на сцене, но я уже не могу утверждать, что разговаривал с ним минуту назад о метафорах Сельвинского...

Это — фашист Хорст.

Внешне обаятельный, вылощенный, бездушный, спортивный, с четкой офицерской выправкой, и бесспорно одаренный, и жестокий, равнодушный, безжалостный, эгоцентричный, сентиментальный и властный философ реванша, которого не сломали поражения в двух войнах.

Идет «Жаркое лето в Берлине».

Постой, постой, но в прошлом же сезоне Матеулин играл робкого, застенчивого, добросердечного Стивена, человека, травмированного войной и навсегда проклявшего фашизм, и в отличие от брата Хорста вовсе не слышащего «голоса крови», который бы звал его к новой смертельной схватке за «жизненное пространство».

Да, это так, Матеулин играл Стивена. Что же заставило его «изменить» прежней роли? — Я люблю роли характерные, резкие, выпуклые. И с удовольствием взялся за роль Хорста. Он умен, но тем страшнее предостережение — таков Хорст-фашист. Я враг его до озноба в груди. И вот я должен обнажить это, но убедительно, художественно убедительно. Стивен сделан автором так, что у него нет граней, он, в общем-то, однолик и где-то плосок даже. А этот — нет, этот штучка посложнее, и тем интереснее было работать. Не знаю, как получилось, вам виднее...

Для меня Хорст — неожиданность. Признаться, в голове уже сложился примерный план будущей статьи: все-то герои у Матеулина медлительные, неразмашистые, раздумчивые. Как он сам. И вдруг — сентиментальность, лоск, выправка и хриплый монолог о реванше. И дергающееся в конвульсиях лицо. И ненависть, ненависть, ненависть, которую бессилем остановить юмор гость-журналистки. Какой там юмор! Только что улыбающийся, куривший, тянувший из рюмки вино и аккомпанировавший на рояле слезливой песенке о Гретхен, человек совершает звериный скачок. Вздвигшийся мещанин. В сущности это и есть фашист...

II.

...Как же приходят к заветному и таинственному театральному порогу?

— Я вам скажу, — Тахир медлит, и ведет

Артист облдрамтеатра Т. М. МАТЕУЛИН.

Фото Б. Штерна.

ТАЙНА ЗОЛОТОГО КЛЮЧИКА

как бы издали-издали, и я вначале не совсем понимаю его аналогию. — Вот я веду занятия с кружком в первой школе. В порядке шефства. И вот когда я пришел туда и собрались мои восемь-десять человек, и стал я с ними говорить, вижу — не верят, не понимают. Какое-то невероятное равнодушие к поэзии. И Пушкин, и Маяковский, и Блок для них одинаковы, это — стихи, рифмы, сравнения. Я не литератор и не знаю, вероятно, множества деталей из жизни поэта, но если ежедневно читать по стихотворению только и как-то ощутить его внезапно сердцем, мне думается, это и будет истинное понимание. И это удержит меня от зла, и не будет мой герой сидеть на скамейке подсудимых в «Судебной хронике» (злбодневный спектакль, кстати, мы его и ставили намеренно злбодневно, это как проповедь). И понимаете, я много говорил, говорил сам и мало слушал их, этих ребят, пришедших ко мне. И вряд ли мои слова трогали их. Но мы стали делать композицию по стихам поэтов, молодых, двадцати-двадцатилетних ребят, погибших на войне, — Когана, Кульничко, Майорова, Всеволода Багрицкого. И стихи подействовали, стихи увлекли, может, потому, что стихи-то были о них самих, написаны были их сверстниками, и отвечали каким-то тайным поискам сердца. И они читали со сцены. И я видел — их товарищи, сидевшие в зале, воспринимали стихи, были внимательны и строги, потому, может быть, что на сцене произносили высокие и достоверные слова, подтвержденные смертью на войне... И теперь мне приятно приходить в школу, заниматься там. И в театр я потому пошел, что он воспитывает в человеке, если можно так объяснить, человеческое, доброту сердца. Как поэзия. Я

как-то болезненно воспринимаю цинизм, эти «го-го» и «га-га», и сам я, конечно, не святой, но есть вещи, где человек, смеясь над высоким, скатывается к пошлости, к мещанству, к слепоте. А театр дерется, сражается за человека.

Это не просто работа. Кусок хлеба можно, в конце концов, и другими путями заработать. У меня, например, диплом механика... Театр требует самоотречения.

III.

Диплом механика... Он не оговорился. Тахир окончил в Горьком речное училище. Поступил в институт. На судомеханический факультет. Первый курс института и — студия при Горьковском драматическом театре, тоже первый курс. Тахир еще год-два колебался, еще не знал, что выбрать. А театр все затягивал, а корабли как-то все отходили и отходили на второй план, потом на третий, четвертый... И уплыли из мечты насовсем.

Была студия, были учителя — народные артисты республики Николай Александрович Левкоев, Владислав Алексеевич Соколовский, Владимир Яковлевич Самойлов, заслуженная артистка Татьяна Петровна Рождественская... Была особая школа, проникнутая горьковским духом, горьковским строем, философской красочностью и броскостью горьковских героев.

И дипломная работа, с которой пришел на большую сцену, — Тетерев в «Мещанах».

Этот изломанный, едкий, всевидящий человек, отпевающий дряхлый, гнилой, мелочный мир. Но этот философ и пророк сам бессилен и не способен что-либо совершить, разве что сплывать и бродяжить по святой Руси. «Мне некуда девать силы», — жалуется он. А как звучит одно из его обличений мещанства: «...ты в меру — умен и в меру — глуп; в меру — добр и в меру — зол; в меру — честен и подл, труслив и храбр... ты образцовый мещанин! Ты законченно воплотил в себе пошлость... Ту силу, которая побеждает даже героев и живет, живет и торжествует... Давай, выпьем перед сценой, почтенный крот!»

И роль такого масштаба — дипломная работа. Нелегкий и горький труд, обиды и переживания, но именно тогда, в работе над Тетеревым, ковался актер подлинный, выверилось его призвание.

Герои — резко выписанные, характерные, по признанию Матеулина, ближе всего и дорожке всего ему до сих пор.

...Он провел один сезон, после выпуска, в Архангельске. Две заметные роли, две любимые: Виктор в «Иркутской истории» и Анастасис — герой-партизан в «Острове Афродиты».

С тех пор — шестой сезон уже — Тахир Матеулин в Калининградском театре.

— С этим театром у меня связано все, — говорит он.

Сейчас у него снова есть Главная роль («Роль, которая выпадает раз в десять лет, и за которую я готов отдать что угодно»). Роль Черкуна в горьковских «Варварах».

IV.

Да, выпуклость, характерность и одновременно — скрывтый лиризм. То спокойствие и мера, когда и игра-то уже не кажется игрой, а это и есть в искусстве актера самое, на мой взгляд, важное.

Открытия в этом никакого нет, но в ис-

кусстве давно известное, например, утверждение о простоте всего сложного, — каждый должен постигать через свой опыт.

С самого приезда в Калининградский театр Тахиру Матеулину повезло: он, двадцати семи лет, получил роль старика в пьесе «Орфей спускается в ад». Это было сделано несколько по необходимости, из-за небрежения другого актера к этой роли, но для Тахира она была благодатным началом. И теперь в его арсенале около двадцати значительных работ. Редкая удача, считает он.

— У нас в театре, что мне особенно по душе, верят в молодого актера, а сейчас в особенности, наметились коренные перемены. Вот «Чайка» мне дорога в этом смысле. В ней новой стороной раскрылся Диденко. И Нестеров. И хоть я не занят в «Чайке», мне радостно за товарищей. Нигилистических разговоров о театре я не приемлю. И мне больно, когда с кондачка судят: да разве вы сможете, да куда вам... Провинциальным ведь можно быть и в столичном театре. Не местом определяется провинциальность, а культурой театра. С приходом новых режиссеров, с приходом большой группы одаренных артистов, с постановкой «Чайки» и «Золотого ключика», если хотите, эта театральная культура заметно возросла. К тому же ведь у нас группа артистов старшего поколения сложилась. Я очень уважаю Семенова за его честное отношение к театру, кровную приверженность к нему Хижнякова. Мне вот нравится ходить за ним в «Ричарде III», нравится ходить в этом спектакле... а роль у меня без слов. Атмосфера самого спектакля воздействует на меня особо притягательно. Классическая, что ли, по духу. Мне нравится смотреть спектакли, где я не занят, — «Чайку», «Леди Макбет»... Если театр берет за классические вещи такого масштаба, значит, он верит в свои силы, значит, он стремится говорить со зрителем по-настоящему.

V.

Почти все роли, которые сыграл Матеулин, не остались без отклика. О Стивене из «Жаркого лета», о Евдокимове, ученом-физику, из «Еще о любви», о Дрягине-Степанове из «Боя с тенью», о Максими из «Чти отца своего», о Саженцеве из «Судебной хроники» и даже о Пьеро из «Золотого ключика» — обо всех писали и в основном писали верно: хвалили актера за вдумчивость, за достоверность деталей и четкость психологического рисунка.

Тахир играет много, и стремится играть еще больше. Он жаждет до настоящей работы. Сейчас он захвачен репетициями «Варваров», ролью Черкуна. И в ней, как ему кажется, он сумеет сказать все, на что способен. Выложиться. Потому что все прежнее, при всей любви к нему, явилось как бы черновым наброском, а вот теперь, вот теперь... И эта неудовлетворенность, и сомнения мне тоже представляются ценным качеством артиста.

«Цель творчества — самоотдача...» Вот и Пьеро он играет с юмором, нежно, бережно. Потому что толстовская сказка обладает непостижимым очарованием творчества. «Золотой ключик» — из страны детства. Сказочные герои — реальные и любимейшие лица, сопровождающие нас по жизни. И своим высоким смыслом, верой в счастье «Золотой ключик» привлекает не только сердца детей, но и взрослых.

Вот актер по стертой дорожке идет в костюме Пьеро к сцене. Вот остановился у порога, у двери, ведущей на сцену. Еще минута, еще мгновение. Вот шагнул. Открылась дверца в страну золотого ключика.

Юрий ЗОТОВ.